

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИЯХ ПЕРВЫХ РУССКИХ ПЕЧАТНИКОВ

И.В. Починская

Лаборатория археографических исследований
Кафедра истории России
Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета
пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Россия, 620000

Статья посвящена проблеме исследования биографий русских первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Автором проанализирована имеющаяся на сегодняшний день источниковая база и ее интерпретация, предложено свое видение проблемы.

Ключевые слова: история книги, русское книгопечатание, Иван Федоров, Петр Мстиславец, Краковский университет.

В последние десятилетия значительно ослабел интерес исследователей к проблемам начального этапа русского книгопечатания, угасли дискуссии по целому ряду спорных вопросов, поставленных в повестку дня еще в XX в., но так и не получивших окончательного разрешения до сих пор. Между тем есть формальный повод вернуться к этим дискуссиям именно сейчас.

В 2013 г. исполняется 460 лет началу «изыскания мастерства печатных книг», как писал Иван Федоров, 430 лет со дня смерти мастера. В связи с этим мы решили обратиться к фактам биографий Ивана Федорова и Петра Мстиславца, отраженным в литературе, с целью оценки их обоснованности, и предложить свои гипотезы, касающиеся жизни первопечатников.

В 1969 г. Е.Л. Немировский опубликовал информацию о своей находке источника, проливающего свет на биографию Ивана Федорова (1). В промоционной книге Краковского университета под 1532 г. исследователь обнаружил сведения о присвоении «Ивану Федорову Москвитину» степени бакалавра и отождествил указанного в книге студента с русским первопечат-

ником. Это отождествление Немировский подкрепил хронологическими рассуждениями. Отметив, что в Краковский университет поступали люди в возрасте 15–18 лет и получали степень бакалавра после 2–3-летнего обучения, он указал, что умерший в 1583 г. печатник вполне мог быть выпускником учебного заведения в 1532 г. По аналогии с фактом биографии Каперника, поступившего в университет в 18 лет, что зафиксировано той же промоционной книгой, Немировский высказал предположение о дате рождения Ивана Федорова – около 1510 г.

Правда, «сложность», нарушающую стройность рассуждений, доставила исследователю приписка, помещенная рядом с именем бакалавра: «каноник из Красностава». Красностав – это небольшой городок в Люблинском воеводстве Польши. Мысль о том, что русский первопечатник в молодые годы был католиком, кажется Немировскому невероятной: «Правда, истории известны случаи перехода из католичества в православие и обратно – пишет он. – И все же трудно поверить, чтобы католический каноник стал дьяконом православной церкви» (2). Поэтому вывод ученого таков: «Скорее же всего приписки, повествующие о дальнейшей судьбе воспитанников Краковского университета, делалась много позднее. Через значительный промежуток времени; следовательно, в этом случае легко допустить возможность ошибки» (3).

Позднее польские коллеги указали Немировскому на еще одну запись в документах Краковского университета, информирующую о поступлении в университет в 1529 г. «Ивана Федорова из Петковиц» (4). Исследователь сделал вывод, что данный Иван Федоров и бакалавр Иван Федоров Москвитин одно и то же лицо. Его, конечно, смущала разница определений, добавленных к имени и отчеству этого человека. «Может быть, Москвитин фамильное прозвище? Или Иван сын Федора, родившийся в Петковцах, впоследствии жил в Москве и именно оттуда приехал в Краков?» – размышляет Немировский (5). Кроме того, ученый добавляет, что в документе указано местонахождение Петковиц в Краковской епархии. Данное замечание он считает, с большой долей вероятности, как и приписку в записи 1532 г., можно отнести к ошибке, поскольку «соответствующая помета сделана другим почерком и значительно позднее, чем основная запись» (6), к тому же в «Краковской епархии таких населенных пунктов не было» (7).

Поиски населенного пункта с таким названием привели Немировского к обнаружению нескольких, расположенных в поветах Вилейском, Минском и Новогрудском. Уверенность в правильности направления поисков придал тот факт, что «Из тех же самых мест происходили шляхетские фамилии Рогоз и Анфоровых, издавна пользовавшихся гербом «Шренява»», с которым, по мнению В.К. Лукомского, разделенному Немировским, идентичен печатный знак Ивана Федорова (8).

Несмотря на пространные комментарии к документам Краковского университета и выводы о том, что они фиксируют факты биографии нашего

первопечатника, в целом ряде публикаций, вышедших до конца 1980-х гг., Немировский подчеркивал гипотетичность своих выводов. Приведем лишь некоторые заявления исследователя.

«Мы не решаемся настаивать на гипотезе о белорусском происхождении первопечатника. Ее правильность или ошибочность предстоит еще доказать» (9). «Дата рождения Ивана Федорова, естественно, является лишь гипотетической. Между тем на юбилейном металлическом рубле, выпущенном в 1983 г., даты жизни первопечатника указаны так: «1510–1583». После этого во многие календари 1985 г. было внесено указание на 475-летие со дня рождения Ивана Федорова, что вряд ли может быть признано правильным» (10).

Однако в публикациях, вышедших в XXI в., Немировский уже не акцентирует внимания на гипотетичности своих выводов. В энциклопедической статье «Иван Федоров» читаем: «Иван Федоров (Иван Федоров Москвитин) (ок. 1510, место рождения неизвестно – 5 (15). 1583, Львов)...» (11). Далее он пишет: «Наиболее распространена точка зрения, что И.Ф. родился ок. 1510 г. Этот вывод опирается на гипотезу, согласно которой И.Ф. в 1529 г. поступил в Краковский университет...» (12).

В 2010 г. Немировский выпустил книгу под названием «Иван Федоров. Начало книгопечатания на Руси: описание изданий и указатель литературы: к 500-летию со дня рождения великого русского просветителя». Нужно отметить, что И.Е. Баренбаум уже в 1988 г. писал об отношении Немировского к своей гипотезе о происхождении Ивана Федорова следующее: ученый «с каждым разом все более утверждает в своем первоначальном предположении» (13).

Что же позволило Е.Л. Немировскому окончательно уверовать в правильность своих рассуждений?

У гипотезы Немировского об учебе Ивана Федорова в Краковском университете после ее обнародования появились как сторонники, так и противники.

Центральным моментом споров стала фраза из послесловия к львовскому Апостолу 1574 г., написанная Иваном Федоровым. В рассказе о своих недоброжелателях, вынудивших их с Петром Мстиславцем покинуть Московское государство, он писал: «Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в *иные страны незнаемы пресели* (курсив наш. – И. П.)» (14). Эти слова позволили крупнейшему исследователю начального этапа украинского книгопечатания Я.Д. Исаевичу заявить: «Так или иначе, Иван, сын Федора, учившийся в Кракове, происходил из Польши или Великого княжества Литовского. А для первопечатника Ивана Федорова переезд в эти края означал отъезд в “страны незнаемы”. Следовательно, нет оснований для идентификации первопечатника с воспитанником Краковского университета, имевшего то самое имя и отчество» (15).

Немировский, защищая свое мнение, высказал мысль, что фраза в послесловии представляет собой просто «литературную реминисценцию» (16),

поскольку в ней речь идет о том, что в «страны незнаемы» были изгнаны оба печатника, и Иван Федоров, и его соратник Петр Тимофеев Мстиславец. А между тем Петр, без сомнения, белорус. Это мнение укрепилось в отечественной историографии еще с XIX в., и опирается оно только на прозвище, якобы указывающее на происхождение печатника из белорусского города Мстиславля, расположенного на р. Вихре, притоке р. Сожи, впадающей в Днепр.

Базируясь на данном выводе, наиболее полную «биографию» Петра нарисовал А.А. Гатцук. Англичанин Д. Флетчер, посетивший в конце XVI в. Москву, сообщал, что книгопечатание в Москву было принесено из Польши: «Подтверждением ему в данном случае может служить, – пишет Гатцук, – прозвище известного, скромного сотрудника Ивана Федорова, Петра Тимофеева Мстиславца, то есть родом из города Мстиславля, подобно тому, как сам, Иван Федоров на чужбине именовался Москвитин, Франциск Скорина з Полоцка, один из преемников Ивана Федорова в Москве, Онисим Михайлов Родишевский – Волинец, Никита Федоров Фофанов – Псковитин и т.д. Ясно, что Петр Тимофеев был пришлец в Москве, быть может, даже вызванный из Вильны собственно для “строения здесь книгопечатного дела”, в то время когда “начаша, изыскивати мастерства печатных книг”. Вручить ему самому книгопечатание, не вручили, во-первых, потому что он хотя и православный человек, но из неверной польской земли, и, во-вторых, потому что такое священное дело как официальное списывание или печатание книг вообще не могло быть тогда поручено мирским людям, – а приставили его обучать вдовьяго дьякона Ивана Федорова и быть ему подручником. Наконец, куда бегут наши типографщики, когда пришлось им спастись из Москвы? Бегут они в Литву, и Мстиславец Петр Тимофеев остается в Вильне, быть может в той же типографии, откуда был вызван» (17).

В дальнейшем польское происхождение московского книгопечатания было опровергнуто, а вот происхождение прозвища Петра Тимофеева сомнений так и не вызвало.

Дополнительные доводы в поддержку гипотезы Немировского попытался предложить историк И.З. Мыцко, высказав предположение, что из Москвы печатники не сразу направились в белорусско-литовские земли, а следовали туда через Ливонию, которая и для Ивана, и для Петра была землей незнакомой (18).

Более активно гипотезу Немировского поддержала В.П. Колосова (19). В своей небольшой статье она в первую очередь делает попытку защитить трактовку биографии Ивана Федорова, предложенную Немировским, от его главного оппонента Я.Д. Исаевича.

Колосова полностью разделяет мнение Немировского о том, «что выражение “незнаемы страны” – литературная реминисценция, каких в тексте послесловия действительно немало» (20). В связи с этим она еще раз подчеркивает белорусское происхождение Петра Тимофеева. То упорство, с ко-

торым наша историография держится за такую трактовку прозвища печатника, заставила нас поискать населенные пункты в пределах Московского государства, которые могли бы быть малой родиной Петра. И, как не странно, найти их оказалось довольно просто.

В географическом сочинении конца XIV в. «Список русских городов дальних и ближних», которое довольно широко бытовало в отечественной литературе XV–XVII в. (21), нами было обнаружено два населенных пункта, могущих претендовать на искомую роль. В перечислении городов, сгруппированных территориально, читаем: «А се Смоленскии: Смоленск на Днепре. Елно на Име. Вязма. Дорогобужь. *Мьстиславеч*. Мстислав на Вехре. Оболенск. Козелеск. Вятическ. Ржавеск... А се Залескии:... На Молозе Городецъ. Ярославль. Ростов. Юрьев Польскии. *Мстиславль* (курсив наш. – И.П.). Суждаль...» (22).

Те же населенные пункты, что и в «Списке», упоминаются в духовной грамоте Ивана Грозного 1572 г. среди перечисления поселений, завещавшихся царем своим домочадцам: «Да сыну жь моему Ивану даю город Дорогобужь с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что к нему потягло. А волости Дорогобужские:... село Путятино с деревнями, Игумново, *Мстиславец*... и со всем с тем, что к Дорогобужу и к тем волостям и селом потягло, как было при мне» (23). «Да благословляю жену свою Анну, даю ей город Ростов, с волостьми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да под Москвою село Алешня, село Болтино... да въ Юрьеве Польском село *Городище Мстиславле*, село Флолищево, село Сенмское, село Елохово, с деревнями и со всеми угоды...» (24).

Таким образом, мы обнаружили город Мстиславец под Дорогобужем, располагавшийся на р. Осьме недалеко от ее впадения в р. Угру. С 1500 г. Дорогобуж и его окрестности входили в состав Московского государства (25). «В XV–XVI вв. Мстиславец был центром волости, в XVII в. – центром стана Дорогобужского уезда, но в период польской оккупации пришел в упадок и к моменту заселения его казаками представлял собой пустошь» (26). В настоящее время на месте города находятся деревни Митишкино и Мархоткино Смоленской области. Второй город, обнаруженный нами, как и белорусский, которому приписывают роль места рождения Петра Тимофеева, называется Мстиславль. Как видно из документов, цитированных выше, во второй половине XVI в. он стал селом Мстиславово городище, ныне же – это поселок городского типа Городище Владимирской области.

Удивление вызывает тот факт, что М.Н. Тихомиров, изучавший текст «Списка городов русских», вне всякого сомнения, знавший текст духовной грамоты Ивана IV и одновременно занимавшийся проблемами начала русского книгопечатания, не обратил внимания на указанные нами города и не соотнес их названия с прозвищем Петра Тимофеева. Уже после своей публикации «Списка» он продолжал утверждать следующее: «Такие прозвища,

как Мстиславец, Новгородец, Москвитин, указывали в России на происхождение человека из той или иной местности. Город Мстиславль находился в Белоруссии, в XVI в входившей в состав Литовского великого княжества, где книгопечатание началось значительно раньше, чем в России. Надо предполагать, что Петр Мстиславец принадлежал к числу белорусов. Так у колыбели русского книгопечатания стояли русский и белорус как символ единения двух братских народов» (27). Учитывая последнюю фразу цитаты, закрадывается мысль, не было ли продолжение поддержки гипотезы о белорусских корнях Петра Мстиславца проявлением политической гибкости Тимофеева.

Если принять за место происхождения Петра Тимофеева Мстиславль залесский или Мстиславец, а для этого, на наш взгляд, оснований не меньше, чем для признания таковым Мстиславля на Вихре, то по отношению к Петру слова Ивана Федорова «страны незнаемы» не являются «литературной реминисценцией». Соответственно, есть дополнительный повод усомниться и в том, что они являются этой самой реминисценцией и по отношению к Ивану Федорову.

Теперь вернемся к статье Колосовой. Продолжая отстаивать мнение Немировского о том, что фраза «страны незнаемы» есть лишь литературный оборот, она находит его истоки (в «Повести временных лет» (28)) и авторитетное мнение, толкующее его смысл не как обозначение неизвестных земель, а как земель далеких.

В «Слове о полку Игореве» есть выражение «земля незнаема». Советский историк В.В. Мавродин, разбирая контекст, в котором оно употреблено, объяснял фразу следующим образом: «Составитель «Слова» знал о готах на берегах Черного моря, и есть *некоторые основания предполагать*, что ему была знакома Тмутаракань. Возможно даже, он там бывал, за что говорит четырехкратное упоминание Тмутаракани в «Слове», хотя Тмутаракань осталась «землей незнакомой»; но последнее надо понимать не буквально, как «землей неизвестной», а в смысле ее отдаленности. «Земля незнаема» – «земля далекая», «земля утраченная»» (29).

На наш взгляд, эти размышления Мавродина не могут являться убедительным аргументом, подкрепляющим гипотезу Немировского. Нельзя одним предположением подтверждать другое, а Мавродин, подчеркнем еще раз, пишет лишь о наличии «некоторых оснований полагать». И эти основания видятся нам довольно зыбкими. Не будучи филологом, все же рискнем поспорить с Мавродиным. Возможно, наши аргументы покажутся специалистам несколько наивными, и тем не менее, приведем их. Ни в одном из фундаментальных словарей русского и древнерусского языков (30) слово «незнаемый» не трактуется как «далекий, утраченный». В том же «Слове о полку Игореве» оно звучит не однократно, в частности, как определение к слову «степь», например: «...трещать копиа харалужныя въ поле незнаеме, среди земли Половецкыи» (31).

В этом контексте сам Мавродин определяет значение слова иначе: «Не смотря на храбрость русских дружинников, обстоятельства складывались не в их пользу. Русские бились «в поле незнаеме, среди земли половецкый», а половцы прекрасно знали степь и сумели оттеснить русских от воды, которой те не видели три дня» (32).

В другом месте древнерусского сочинения читаем: «На Дунаи Ярославнынъ глась слышитъ – зегзицею (33) незнаемъ рано кычетъ...» (34). Здесь тоже слово «незнаемъ» вряд ли может означать «удаленный».

Далее Колосова, полагая, что приведенные ею доводы позволяют считать «... главный аргумент против гипотезы об учебе Ивана Федорова в Краковском университете... неубедительным» (35), переходит к анализу «других моментов, также смущающих не только оппонентов гипотезы, но и ее автора» (36).

Она высказывает мнение, что обозначение принадлежности Петковиц Краковской епархии в документе 1529 г. было произвольно внесено составителем университетского списка, оформлявшегося заочно, «на основании сведений, предоставленных абитуриентами при поступлении». «Не утруждая себя выяснением... он включил его (Ивана Федорова. – И.П.) в группу студентов из Краковской епархии, хотя в ней такого населенного пункта не было. Распределитель руководствовался, возможно, и тем обстоятельством, что “Иван Федоров из Петкович” жил в Краковской бурсе “Иерусалим”, находившейся, естественно, в Краковской епархии» (37). Результатом этих не очень внятных объяснений стал вывод: «Словом, версия об Иване Федорове из белорусских Петкович выглядит вполне убедительной» (38).

Последним пассажем Колосовой в ходе защиты гипотезы Немировского является попытка доказать, что приписка в документе 1532 г. о том, что Иван Федоров Москвитин после окончания университета был каноником в Красноставе, никоим образом не вступает в противоречие с фактом его дальнейшего служения православной церкви. Со ссылкой на «Материалы для словаря древнерусского языка...» И.И. Срезневского и памятник рубежа XIII–XIV вв. она доказывает, что словом «каноник» определялось любое лицо, относящееся к церковному причту, в том числе православному (39). Это мнение мы оспаривать не будем, равно как и возражать против характеристики жизни православного населения Красностава, данной Колосовой вслед за Немировским, как «достаточно активной».

Увлечшись доказательством связей Ивана Федорова с Красноставом, исследовательница даже высказывает мысль о его родстве с мещанином этого городка Кондратием Куриловичем и намекает, что Иван мог иметь фамилию Курилович. Завершая свои рассуждения на эту тему, она пишет: «Выше изложенное – лишь гипотетические раздумья, возникшие при изучении известных документов и исследований. Новые находки могут подтвердить их или опровергнуть. А возможность таких находок вполне реальна» (40). Од-

нако прошедшие с момента написания этих строк 20 лет не принесли находок, подтверждающих предположение Колосовой.

Защитницей гипотезы Немировского была проигнорирована небольшая критическая статья И.Е. Баренбаума, дополнившая замечания Исаевича (41). Баренбаум считал, что в краковских документах речь идет о человеке, которого зовут Иоганн Теодор, «двойным именем, характерным для западных жителей». «В данном случае “Москус” можно рассматривать уже как фамилию. Ведь Иоганн из Петковичей, а Петковичи вроде бы никакого отношения к Москве не имели (в лучшем случае речь могла идти о Белоруссии, где Иван Федоров до ухода из Москвы не был, что принимает во внимание и Немировский, указывающий на существование многочисленных Москвитинных, живших в XVI–XVII вв. как в Русском государстве, так и в Великом княжестве Литовском)» (42).

В этом рассуждении Баренбаума вызывает сомнение только однозначность его вывода о том, что в документах названо «двойное имя, характерное для западных жителей». В документах не очень четко читаются окончания второго имени (43), на важность которых указывал сам ученый. Особенно неясно написание в промоционной книге: имя может читаться и как «Theodores», но на наш взгляд, не менее вероятно прочтение «Theodoro» («о» в конце слова с черточкой, уходящей вниз из-за какой-то помехи) или «Theodory». В метрической книге написание более однозначно можно трактовать как «Theodori». Только первый вариант прочтения позволяет говорить, что человека, указанного в документе, звали Иоганн Теодор, все остальные варианты прочтения дают форму имени собственного в падеже Genitiv, позволяющим воспринимать его как имя отца (Иоганн Теодоров).

Следующие доводы Баренбаума против гипотезы Немировского касаются, по его мнению, несоответствия между предполагаемым возрастом мастера и фактами биографии, относящимися к этому возрасту. «Если Иван Федоров родился в 1510 г., то в 1563 г., когда он приступил к набору московского «Апостола», ему было уже 53 года, – писал Баренбаум. – По тем временам (да и по нынешним) это был далеко не молодой человек. И вот именно ему, человеку почтенному, поручает Иван Грозный большое, сложное, новое для Москвы дело – завести книгопечатание. Почему же так задержалось гражданское, творческое становление Ивана Федорова? Почему царь выделяет этого пожилого дьякона из числа прочих и поручает ему ответственное и хлопотное государственное дело? Если даже согласиться, что Иван Федоров работал в “анонимной” типографии, то и в этом случае он опять-таки был не молод» (44).

Обратил внимание исследователь и на то, что после смерти Ивана Федорова остались малолетние дети, о чем неоднократно писали также многие его предшественники, пытавшиеся определить, хотя бы приблизительно, возраст мастера (45).

С этими доводами Баренбаума мы не только полностью согласны, но и хотели бы их дополнить.

Если Иван Федоров родился около 1510 г., то умер в возрасте 72–73 лет. Однако его образ жизни периода 70-х – начала 80-х гг. XVI в., сравнительно неплохо документированного (46), можно охарактеризовать как чрезвычайно активный и напряженный. В течение второй половины 1570-х гг., как минимум до мая 1580 г. (47), Иван Федоров совмещал работу по устройству типографии в Остроге и выпуску в ней книг (заметим, что к концу этого периода уже полным ходом шла работа над Библией) с управлением Дерманским монастырем. «Будучи управителем большого имения, Иван Федоров должен был вести корреспонденцию, составлять и заверять договоры на аренду корчмы, мельниц...», заниматься решением конфликтов между монастырскими крестьянами и крестьянами соседних владений (48). Кроме того, печатник по делам, связанным с его деятельностью, активно перемещался не только в пределах Волыни и Галиции, но и выезжал далеко за их пределы. Например, есть документы, свидетельствующие о поездках Ивана Федорова в Валахию и турецкие земли (49).

К тому же известен документ 1582 г., который сообщает о том, что Иван Федоров нанес побои и раны жителю Львова Якову суконнику (50). По заявлению Немировского, именно этот факт заставил Тихомирова еще до появления его гипотезы о дате рождения первопечатника предложить свою – ок. 1533 г. (51).

В последний год жизни, 1583, печатник поражает энергичностью и предприимчивостью. Он абсолютно уверен в своих силах. Оставив имение кн. Острожского и налаженную там типографию, Иван Федоров берется за устройство собственной во Львове. Он востребован властью как мастер-оружейник. В связи с этим направлением деятельности он посетил Краков, где отливал пушку по заказу польского короля, Вену (52) и, возможно, Дрезден и Прагу (53), где предлагал свои услуги германскому императору Рудольфу II и курфюрсту саксонскому Августу. Точно известно, что в Вене Иван Федоров находился в конце июля 1583 г., следовательно, Прагу и Дрезден, если эти поездки были, он посетил позднее. А скончался печатник, как известно, в начале декабря 1583 г. Напрашивается вывод, что эта смерть была скоропостижной.

Охарактеризованный выше образ жизни мало напоминает времяпрепровождение людей в возрасте за 70 лет. К тому же заметим, что гипотеза о ранних годах жизни Ивана Федорова и его дате рождения вступает в противоречие с взглядом самого Немировского на возможности человека в возрасте 70 лет, высказанные им в ходе полемики по поводу некоторых предполагаемых данных биографии Петра Мстиславца. Правда, эти высказывания ученого относятся ко времени до его открытий краковских документов. В споре с исследователями, которые, исходя из белорусского происхождения Петра Тимофеева, делали вывод о том, что он мог быть учеником Франциска Скорины, Немировский писал: «Очевидно, что Петр Тимофеев, если принять во внимание гипотезу о его литовско-русском происхождении, мог учиться только у Скорины. Но тогда приходится признать, что свою вилен-

скую типографию он основал, будучи 70 с лишним лет от роду. Нам не кажется вероятным это предположение» (54). Почему же такое предположение возможно по отношению к Ивану Федорову?

Для полноты картины еще раз вернемся к затронутому Баренбаумом вопросу о детях Ивана Федорова.

Впервые имя старшего сына Ивана Федорова, тоже Ивана, появляется в документе начала 1579 г., который зафиксировал поручение мастера сыну взыскать деньги со своего должника Филиппа Остапковича (55). «Из этого документа известно, что Иван Иванович был в то время молод и, видимо, только что стал дееспособным, поскольку ранее его имя в актах не называлось», – пишет Немировский (56). Примерно в это же время он женился (57). Заметим, что по II Статуту Великого княжества Литовского, принятому сеймом в 1566 г., совершеннолетие у мужчин наступало в 18 лет (58).

Следовательно, сын Ивана Федорова родился в 1560–1561 гг., когда печатнику, исходя из даты рождения, предложенной Немировским, было 50 лет. У Ивана Федорова был как минимум еще один, младший ребенок. В апреле 1584 г. мещанин Львова, водопроводчик Юрий заявил в городском суде, что он отказывается от опеки над детьми и имуществом печатника, которая была поручена ему Иваном Федоровым, и передает опекунство Ивану Ивановичу, достигшему совершеннолетия (59). Следовательно, второй ребенок родился не раньше конца 1560-х гг., когда печатнику было около 60 лет.

Если принять в качестве даты рождения Ивана Федорова время ок. 1510 г., на чем настаивает Немировский, то придется признать, что наш первопечатник обладал удивительным здоровьем. Мы, конечно, можем даже в рамках гипотезы Немировского об учебе Ивана Федорова в Кракове несколько «омолодить» его, предположив, что он поступил в университет не в 18 лет, а в 15. Однако это вряд ли позволит объяснить активную жизнь Ивана Федорова чем-то иным, кроме богатырского здоровья. Этого обстоятельства, конечно, исключить нельзя, но вся совокупность фактов заставляет задуматься как над предложенной датой рождения первопечатника, так и над всей версией его биографии, отстаиваемой Немировским.

Возвращаясь к статье Баренбаума, отметим еще один веский, на наш взгляд, довод исследователя против гипотезы Немировского. В развитие своей версии биографии Ивана Федорова Немировский допускает мысль, что первые уроки книгопечатного мастерства печатник получил в краковских типографиях (60). «Если это так, – писал Баренбаум, – то, переехав в Москву, работая, возможно, в т.н. анонимной, а затем в государственной типографии, он должен был внедрять хорошо знакомую ему европейскую технологию печати. Как известно, издания анонимной типографии и собственные издания Ивана Федорова печатались отличным от этой технологии способом» (61). Заметим, Немировский совершенно согласен с выводами своих коллег о самостоятельной и постепенной разработке нашими мастерами технологии двухцветной печати.

Полагаем, изложенные выше наблюдения позволяют сделать следующий вывод. Как основательная и, казалось бы, детально проработанная гипотеза Немировского о раннем периоде жизни Ивана Федорова, так и безоговорочно принимаемое с XIX в. умозаключение о происхождении Петра Мстиславца, будучи самыми распространенными на сегодняшний день версиями, являются очень спорными. По нашему мнению, в настоящее время нет достаточных сведений для точного определения малой родины каждого из первопечатников, но со значительной долей уверенности можно утверждать, что она находилась в пределах Российского государства.

Своеобразие техники печати, использовавшейся для издания первых книг, заставляет думать, что и освоение ремесла происходило в Москве.

Как отмечал в свое время А.А. Герасимов (62), русские мастера, конечно, не изобретали книгопечатания вновь, его идея, несомненно, была почерпнута на Западе. А.А. Сидоров уточнил – вероятнее всего, принцип печатания был заимствован с Балкан, но при этом он подчеркнул «самое печатание, самое делание книги, самая полиграфия, набор, верстка, решающее во всем этом – накачивание краской, – все это оказалось у нас не только не заимствованным, но и подлинно новым по отношению к загранице, противоречащим ей» (63).

Имеющаяся на сегодняшний день источниковая база позволяет специалистам обсуждать вопрос о путях проникновения идеи книгопечатания в Россию. На протяжении двух столетий в нашей историографии существует мнение об особой роли в пропаганде книгопечатания Максима Грека. Были и оригинальные точки зрения, такие как, например, В.В. Стасова, полагавшего, что лютеранские священники или «немцы светского звания, окружавшие Ивана IV» могли рассказать ему о типографии Трубера, печатавшего для славян, и посоветовать завести книгопечатание у себя (64).

Однако на наш взгляд, значительно больше оснований считать пропагандистами книгопечатания в Москве сербов, «дипломатическое представительство» которых (Никольский монастырь) с 1556 г. находилось рядом с местом, где Иваном IV была построена типография, будущий Московский печатный двор. Эта гипотеза находит поддержку и в выводах Сидорова, и в целой серии статей М.Н. Тихомирова о русско-сербских отношениях (65). Но подробнее о данной гипотезе речь пойдет в другой нашей публикации.

Таким образом, решение проблемы происхождения русских первопечатников, освоения ими основ печатного книжного дела требует как возврата к некоторым незаслуженно забытым выводам исследователей прошлых лет, так свежих взглядов на события XVI в., на их трактовки, поиска новых источников, иных методологических подходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) См.: *Немировский Е.Л.* Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете // Советское славяноведение. – 1969. – № 1. – С. 49–56.

- (2) Там же. – С. 52.
- (3) Там же.
- (4) См.: *Немировский Е.Л.* Иван Федоров в Белоруссии. – М., 1979. – С. 9; Источники для изучения жизни и деятельности Ивана Федорова / Сост. Е.Л. Немировский // Федоровские чтения, 1981. – М., 1985. – С. 220–234; *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510–1583. – М., 1985. – С. 16–19; *Он же.* Великий русский просветитель Иван Федоров // Федоровские чтения, 1983. – М., 1987. – С. 9.
- (5) *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510–1583. – С. 17.
- (6) Это наблюдение Немировского вызывает сомнения. В своей монографии «Иван Федоров» на с. 18 он поместил изображение листа из актов Краковского университета с записью об Иване Федорове. Несмотря на то, что это черно-белое уменьшенного масштаба изображение, оно не дает оснований считать, что отметка о Краковской епархии сделана другим почерком. Это можно сказать о записи, сделанной выше.
- (7) Там же.
- (8) Там же. – С. 14–17.
- (9) Там же. – С. 19.
- (10) *Немировский Е.Л.* Великий русский просветитель Иван Федоров. – С. 33.
- (11) *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха. Энциклопедия. – М., 2007. – С. 39.
- (12) Там же. – С. 40.
- (13) *Баренбаум И.Е.* К биографии Ивана Федорова // Вопросы истории. – 1988. – № 11. – С. 135.
- (14) Апостол. – Львов, 1574. – Л. 260 об. 2-го счета.
- (15) *Исаевич Я.Д.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. – Львів, 1983. – С. 37.
- (16) *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510–1583. – С. 19.
- (17) *Гатицук А.А.* Очерк истории книгопечатного дела в России // Русский вестник. – 1872. – Т. 99. – № 45. – С. 331–332.
- (18) Об этом см.: *Мацюк О.Я.* К вопросу о переезде Ивана Федорова на Украину в 1566 г. // Федоровские чтения. 1983. – М., 1987. – С. 165.
- (19) См.: *Колосова В.П.* К биографии Ивана Федорова (Неизвестный документ) // Книга: Исследования и материалы. – М., 1991. – Сб. 62. – С. 159–164.
- (20) Там же. – С. 160.
- (21) См. об этом подробнее: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. – М., 1979 (первое издание этой статьи относится к 1952 г.). – С. 83–137, 357–361 // <http://www.russiacity.ru/books/b72.htm>; *Наумов Е.П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. – М., 1974. – С. 150–163; *Подосинов А.В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978. – С. 40–48.
- (22) Цит. по.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. – С. 95–96.
- (23) Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнина. – М.; Л., 1950. – С. 436.
- (24) Там же. – С. 443.
- (25) *Кромм М.М.* Меж Русью и Литвою. – М., 1995. – С. 98, 179, 220.
- (26) *Прохоров В., Шорин Ю.* Дорогобужские грунтовые казаки и татары // Вязьма с древнейших времен до наших дней: Мат-лы краеведческой конференции (9 июня 2006 г.). – Вязьма, 2006. – С. 50–73 // <http://www.roslavl.su/forum/showpost.php?p=25354&postcount=3>

- (27) *Тихомиров М.Н.* «Друкарь книг пред тем невиданных» // Неделя. – 1963. – № 16. 14–20 мая; То же. *Тихомиров М.Н.* Русская культура X–XVIII вв. – М., 1968. – С. 344.
- (28) Повесть временных лет. – СПб., 1999. – С. 95.
- (29) *Маєродин В.В.* Очерки Левобережной Украины (с древнейших времен до 2-й половины XIV века). – СПб., 2002. – С. 330.
- (30) См.: *Ожигов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1997 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2643>; *Даль Д.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 2011. – Т. 2 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2643>; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1912 // http://urokirus.com/slovarsreznevskogo/displayimage.php?album=28&pid=1988#top_display_media; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. – М., 1986. – Т. 11 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2643>
- (31) *Зализняк А.А.* Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. – М., 2004. – С. 340.
- (32) *Маєродин В.В.* Очерки Левобережной Украины... – С. 319.
- (33) Зегзица – в различных переводах это иволга, кукушка, чайка. См. об этом: *Маєродин В.В.* Очерки Левобережной Украины... – С. 319 // <http://www.abc-people.com/turpework/literature/rus/slovo-txt.htm>; *Зализняк А.А.* Слово о полку Игореве»... – С. 119.
- (34) *Зализняк А.А.* Слово о полку Игореве... – С. 347.
- (35) *Колосова В.П.* К биографии Ивана Федорова... – С. 161.
- (36) Там же.
- (37) Там же.
- (38) Там же.
- (39) Там же. – С. 162.
- (40) Там же.
- (41) *Баренбаум И. Е.* К биографии Ивана Федорова.
- (42) Там же. – С. 136
- (43) Фото документов воспроизведены Немеровским. См.: *Немировский Е.Л.* Иван Федоров. – С. 16, 18.
- (44) *Баренбаум И.Е.* К биографии Ивана Федорова. – С. 136.
- (45) Там же.
- (46) См.: Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI – перша половина XVII ст.): 3б. Документів. – Київ, 1975.
- (47) *Мыцко И.З.* Новые документы о пребывании Ивана Федорова на Волыни // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. – М., 1979. – С. 195.
- (48) Там же. – С. 192.
- (49) См.: Першодрукар Іван Федоров... – С. 38–39. – № 16; *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510–1583. – С. 176.
- (50) См.: *Ptaszycki S.* Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie, z konca XVI wieku // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. – 1886. – № XI. – С. 34. – № 17.
- (51) См.: *Немировский Е.Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. – С. 322.
- (52) См.: *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510–1583. – С. 200–205.
- (53) См.: *Мыльников А.С.* Иван Федоров и межславянские культурные связи // Федоровские чтения 1983. – М., 1987. – С. 38–39.

- (54) *Немировский Е.Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. – С. 97–98.
- (55) См.: Першодрукар Иван Федоров... – С. 37–38. – № 15.
- (56) *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха. – С. 377.
- (57) См.: Першодрукар Иван Федоров... – С. 40–41. – № 18.
- (58) См.: *Музыченко П.П., Долматова Н.И.* История государства и права Украины в вопросах и ответах. – Харьков, 1999. – Ч. 1 // <http://www.pravouch.com/page/igppua/ist/ist-21--idz-ax285--nf-18.html>
- (59) См.: Першодрукар Иван Федоров... – С. 60–61. – № 31.
- (60) См.: *Немировский Е.Л.* Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете. – С. 54.
- (61) *Баренбаум И.Е.* К биографии Ивана Федорова. – С. 137.
- (62) *Герасимов А.А.* Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета: К вопросу о начале книгопечатания в Москве // Учен. зап. Сарат. ун-та. – Саратов, 1926. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 18–19.
- (63) *Сидоров А.А.* Древнерусская книжная гравюра. – М., – 1951. – С. 39–40.
- (64) *Стасов В.В.* Разбор рукописного сочинения Д.А. Ровинского «Русские граверы и их произведения» // Собр. соч. – СПб., 1894. – Т. II. – С. 166.
- (65) См., например: *Тихомиров М.Н.* Иван Грозный и Сербия // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. – М., 1945. – С. 3–9; То же. // *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – М., 1969. – С. 83–93; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до пол. XVII в. // Славянский сборник. – М., 1947. – С. 180–201; То же // *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – С. 146–166.

TO THE QUESTION ON BIOGRAPHIES OF FIRST RUSSIAN TYPOGRAPHERS

I.V. Pochinskaya

Laboratory of Studies in Archaeography
Institute for Humanities and Art
Ural Federal University
Lenin Str., 51, Ekaterinburg, Russia, 620000

The article is devoted to the study of biographies of pioneers of Russian book-printing: Ivan Fyodorov and Peter Mstislavets. The author analyzed available to date source base of study of the problem and its interpretation. The author offered her view of the problem.

Key words: history of books, Russian typography, Russian book-printing, Ivan Fedorov, Peter Mstislavets, Kracow University.